

ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ

М.В. Ильин

Существует анекдот о человеке, который никуда не уезжал из своего родного Мукачева, но на протяжении двух с небольшим десятков лет успел побывать подданным Австро-Венгерской империи, Чехословацкой Республики, королевства Венгрия, а потом и Советского Союза. Конечно, нам, нынешним россиянам, далеко до такой быстрой смены паспортов, однако быстро и порой резко меняющиеся представления о своем государстве и политической традиции воспринимаются многими нашими соотечественниками крайне болезненно. Затрудняют они поддержание надежного политического порядка внутри страны, а также взаимодействие России со своими зарубежными партнерами. Эти злободневные обстоятельства вкупе с более основательными и масштабными историческими вызовами делают проблему политического самоопределения России, ее самоутверждения крайне важной и многоплановой, а ее разрешение — весьма нелегкой и ответственной задачей.

Наша страна на протяжении нескольких десятилетий осуществляла всемирно-исторический эксперимент радикального изменения социальных и политических порядков с весьма неоднозначными результатами. Советский Союз пытался стать своего рода анти-Западом, но это привело к парадоксальной гегемонии двух сверхдержав. Демонтаж Советского Союза отнюдь не повлек исчезновения державы в северной Евразии. Политические порядки новой России демонстрируют явную преемственность со многими традициями СССР и Российской империи. Что Россия сохранила во всех своих превращениях? Что

утратила? Что создала нового? Без ответа на эти вопросы трудно и фактически невозможно строить долгосрочные планы развития. Необходимо ясное политическое самоутверждение России, отчетливое понимание нами самими, нашими соседями, а также лидерами мирового развития, чем Россия была, чем она является сейчас и чем способна стать.

Мощная динамика и изменчивость России во многом объясняется тем, что она была едва ли не первой неевропейской страной и цивилизацией, которая уже при ранних Романовых вступила в состязание с Европой, пытаясь скорее инстинктивно, чем сознательно, усвоить и присвоить достижения только начавшейся на Западе модернизации. Ее опыт ценен хотя бы своей длительностью: три с лишним века европеизации и полтора — модернизации. В равной мере он ценен своим многообразием: отношение к модернизации и к Европе, а затем Западу много раз менялось в череде официальных моделей развития, не говоря уже о разнообразии частных подходов.

Важна Россия и как цивилизация, которая непосредственно или через звенья Великого Лимитрофа (Восточная Европа, Закавказье, Казахстан и Монголия) граничит с другими важнейшими цивилизациями (европейской, малоазиатской, иранской, среднеазиатской, китайской, японской, североамериканской), а также с ближневосточным и балканским цивилизационными комплексами.

Со многими из этих цивилизаций и цивилизационных комплексов Россия связана породнением, порой неоднократным и по большей части весьма двусмысленным. Наша цивилизационная и культурная идентичность оказы-

вається весьма растяжимой. Срединное положение России на суперконтиненте Старого Света делает ее своего рода сердцевиной цветка, к которой различные цивилизации, от европейских до дальневосточных, примыкают наподобие лепестков. Россия легко идентифицирует себя с цветком и с отдельными его лепестками.

Особенно важно то, что Россия осуществила крупнейший всемирно-исторический эксперимент, «приватизировав» марксизм и сделав его краеугольным камнем мирового соперничества коммунизма и капитализма, Востока и Запада, центрами силы этих двух сверхцивилизаций в виде двух сверхдержав — СССР и США. Тем самым одна из радикальных версий революционной модернизации, выработанной европейской цивилизацией в числе других внутренних альтернатив, была превращена во внешнюю идею антикапитализма, или анти-Запада [Ильин, 1995].

Подобного рода экстерниоризация позволила Западу в определенной мере транслировать вовне, экспортировать некоторые стороны антиномий модерна, с которыми трудно и опасно было совладать на собственной почве. Так, вполне органичный для модернизирующегося Запада тоталитарный тренд от диктатуры Савонаролы и Нового Иерусалима мюнстерских анабаптистов до итальянского фашизма и германского нацизма был представлен как отдельные национальные девиации на фоне полномасштабного и всемирно-исторического проекта советского коммунизма. Это обернулось благом для Запада, которому оказалось легче преодолевать внутренние искушения тоталитаризмом.

Однако и внешний мир в лице «реального социализма» получил не только издержки в виде тоталитарных диктатур, но и ценнейший опыт эффективного решения отдельных изолированных задач модернизации в их предельной или близкой к предельной форме. Более то-

го — Россия обрела выстраданное и — увывы — пока еще не слишком рационализованное знание, скорее интуитивное ощущение того, что развитие должно быть многогранным, сбалансированным и глобальным. Недаром выход из утопии анти-Запада был начат под лозунгами «нового мышления» с их пафосом коэволюции, конвергенции и приоритетов глобализации.

Наконец, Россия оказалась средоточием так называемого «посткоммунистического транзита» — процесса неопределенных по исходу перемен. Это небывалые по своим масштабам процессы, непосредственно охватившие не только страны «реального социализма», но и зону бывших периферий соперничества Востока и Запада, а косвенно — все остальное человечество. При этом обстоятельство не оставляют ни времени на подготовку перемен и на «раскачку», ни страховочных ресурсов, ни исторического резерва на осуществление проб и ошибок. Главное же заключается в том, что наиболее простой способ перемен — через революционный кризис, обвал и возрождение с нуля — оказывается уже более недопустимым, поскольку он не только сопряжен с бедствиями для миллионов людей, живущих на огромных пространствах нашей планеты, но почти наверняка может спровоцировать резкое обострение глобального кризиса, вызвать поистине планетарную катастрофу.

Основная задача не только России и других стран зоны транзита, но и всего мира заключается, таким образом, в том, чтобы обеспечить некатастрофическое осуществление перемен, а в идеале их постепенный перевод в режим устойчивого, т.е. управляемого, развития. По существу, именно в условиях глобализации как наиболее продвинутой стадии модернизации обеспечение управляемости развития, его синхронизации в масштабах планеты начинает проявляться как центральная проблема и одновременно

смысл эволюционных сдвигов, начатых пять с лишним веков назад в западноевропейском «поясе городов» и приобретенных глобальным масштабом и отчетливостью на рубеже тысячелетий.

Стабилизатор мирового развития?

В духе подобной рационализации возможно, например, перетолкование геополитической самоидентификацией новой России. Дело в том, что выход из утопии анти-Запада был начат под лозунгами «нового мышления» с их пафосом коэволюции, конвергенции и приоритетов глобализации. Исторический вызов состоит в том, чтобы найти «антиреволюционные» [Саква, 1998], а точнее, неревolutionные (некатастрофические) способы осуществления «революций». Подобный подход к «посткоммунистическому транзиту» позволяет рассматривать его как критически важный пример, а при получении позитивных результатов и как образец для постепенного разрешения противоречий модернизации и глобализации в череде конструктивных (некатастрофических) перемен, открытых для трансформации в режим устойчивого развития.

Решение подобного круга задач немыслимо без ясного политического самоопределения России для мира и для себя, без отчетливого понимания нами самими, нашими соседями и лидерами мирового развития, чем Россия является и может стать. Однако для того, чтобы достичь необходимой ясности, требуется своего рода «затемнение», проблематизация кажущихся бесспорными представлений. И помочь в этом может восходящая к Х. Маккиндеру идентификация России как Сердцевины Земли (Heartland), которая одновременно является Осью Коловращения Истории (Pivot Area of History), поскольку по своим краям оказывается вовлеченной в мировое развитие, тогда как основная ее внутриконтинентальная масса остается непроницаемой для внешних веяний.

Данная геополитическая модель обычно интерпретировалась в терминах силового противоборства. Но не можно взглянуть иначе, предположив, что Осью Коловращения Истории становится неким подобием «ока тайфуна», т.е. зоны покоя и замедленности среди наиболее интенсивных перемен и развития, порождаемых окружающими Евразию регионами так называемого Внешнего и Внутреннего Полумесяца (Outer and Inner Crescent), или — уже в терминах Н. Спайкмана — Окружия Земли (Rimland).

Метафорика Оси Коловращения Истории обладает большим когнитивным потенциалом. Так, предназначение Сердцевины Земли может быть усмотрено в том, чтобы служить своего рода стабилизатором мировых процессов, обеспечивая устойчивость развития. Подобная геософская интерпретация прямо связывает Россию с ключевой проблемой всего мирового развития — обеспечения его устойчивости.

Необходимо отметить, однако, что для претензий на осуществление роли стабилизатора мирового развития, России следует сначала обеспечить свою собственную устойчивость, добиться некатастрофического исхода политической и культурной перестройки в России и Евразии в целом. Насколько оправданы подобные надежды? Сможет ли Россия стабилизировать себя и стать мировым стабилизатором? Результаты зависят от множества обстоятельств, например, от политических решений, которые будут приниматься и в России (на разных уровнях), и ее соседями, и державами Окружия Коловращения, и, наконец, мировым сообществом в целом. Не в последнюю очередь зависят они и от частных лиц, их сообществ, особенно если это сообщества творческие, а образующие их личности — люди обширных знаний и доброй воли, если они способны сочетать укорененность в своей культурной почве с поистине космополитическим видением глобальных проблем.

Для соединения устойчивости и развития, для использования в данных целях геополитического, цивилизационного, культурного, а также ресурсного в широком смысле разнообразия для начала необходимо одновременное и согласованное решение двух ключевых проблем. Одна заключается в осознании Россией и ее евразийскими соседями своей роли мирового стабилизатора, в мобилизации ими политической воли и внутренних ресурсов на то, чтобы сыграть такую роль. Другая состоит в том, чтобы мировое сообщество, и в первую очередь евроатлантические и тихоокеанские державы, признали мировое «разделение труда» в деле обеспечения глобального устойчивого развития и перестроили свои отношения с Россией и с ее соседями ради партнерства в данном отношении.

Особая, вторичная, но от этого не менее, а в перспективе даже более важная роль принадлежит странам и культурам переходной зоны так называемого Великого Лимитрофа. Они могут и должны стать трансляторами организационных, информационных и прочих взаимодействий между уже провоцирующим развитие и тем самым дестабилизирующим мировой порядок Окружием Земли и Сердцевиной Земли, пока лишь потенциально способной (а быть может, и геополитически предназначенной?) придать развитию устойчивость, а мировому порядку — стабильность.

Подобная концептуализация предназначения России лишь одна из многих возможных. Будущее нашей страны, а во многом и мира зависит от того, насколько полно и интенсивно будут использованы накопленные в нашей тысячелетней истории возможности понимания того, кто мы в мире и что мир для нас.

Истоки самоопределения России

Можно спорить о том, происходило ли самоопределение Руси в момент легендарного «призвания варягов». Во всяком случае «схватывание» незавершенно-

го союза племенных союзов и городов обручем-державой дружинного господства Рюриковичей не вызывает сомнений. Следующий, уже совершенно бесспорный акт самоопределения Руси связан с ее так называемым «крещением». В ходе этой преимущественно политической акции осуществляется крайне двусмысленный выбор цивилизационной формы, отразившийся в сказании об «испытании вер» [Ильин, 1997, с. 370–371].

Двойное испытание четырех альтернативных образцов для подражания (их не религиозные, а геохронополитические версии — это, во-первых, депотическая протоимперия хазар, во-вторых, полисная протоимперия булгар, в-третьих, романо-германская хризалида и, в-четвертых, теократия Византии) ведет отнюдь не к принятию какой-либо из них, хотя симпатии к византийству и подчеркиваются дважды. Подлинный акт самоопределения связан с последующим завоеванием символов теократической власти в Корсуни. Вера, а с нею модель политической организации не принимается, а завоевывается, присваивается.

Сказание о выборе вер и идейно развивающее его «Слово о Законе и Благодати» Илариона свидетельствуют, что политическая реформа Владимира была ориентирована на творческий псевдоморфоз теократии. Она была проникнута задачей не только освоения, но и пересоздания византийской теократической формы, была осенена мощным пафосом превращения Руси в иную, более высокую, чем Византия, теократию.

Эпоха ордынского владычества повлекла новые преобразования, а с ними появление четырех различных геополитических образований на месте прежней Руси. При этом происходит как симуляция, так и имитация политических форм Орды. С образованием самостоятельной Московии вновь возникает проблема самоопределения. Она концептуализуется в виде проблемы наследия Московско-

го государства, понимаемого как личное достояние государя.

Чтобы из великого князя захолустной Москвы, лимитрофного вассала Золотой Орды стать царем (русский титул владыки Орды) «всея Руси», требовалось обосновать свое право на наследие Чингисхана. Дело упрощалось из-за раздробленности этого наследия. Московские князья прибегли к хитрому ходу — даровали земли Чингизидам из Касимова рода, сделав их тем самым своими подданными. Затем путем породнений московская ветвь Рюриковичей стала числиться в своих предках Палеологов (византийское наследство), Гедиминовичей (литовское и, что важнее, киевское наследство) и Чингизидов (евразийское наследство). Наконец, были «разысканы» генеалогические связи с императором Августом (римское наследство). Все это позволило Ивану Грозному увенчать себя царской короной. Далее последовало присоединение других корон — Казанской, Астраханской и т.п.

В результате возникает крайне двусмысленно самоопределенный царский (имперский) престол: исконно русский (киевский), римский, византийский, евразийский. Призматичность такой системы была выражена очень ярко, а история с введением государств-двойников (опричнины и земщины) только ее подчеркивала.

Самоопределение русского самодержавия

Появление в конце XV в. Велико-го Княжества Московского было решающим шагом на пути к освобождению от трехсотлетнего иностранного господства, получившего колкое название татаро-монгольского ига. В этот период времени Иван Третий Великий и его зять Стефан Великий Молдавский использовали концептуальное новшество. Провозгласив независимость от Золотой Орды и Оттоманской империи соответственно, они назвали себя *государем* и *господарем* (две альтернативные формы од-

но и того же слова), а подконтрольные им политические образования — своими «владениями» или «хозяйствами», т.е. *государством* и *господарством* соответственно.

Слово *государь* является всего лишь формой старославянского слова *господь* (господин). Корни этого слова уходят в индоевропейское понятие власти над чужестранцами. Славянское слово *Господь* соответствует реконструируемому индоевропейскому слову **hos(t)potis*, которое образовано от корней **host* и **pot*. Соответственно индоевропейское слово **hostis* означает «чужак», а **potis* — мужчина, выступающий вместе со своей парой **potnia* (отсюда славянская *панна*) прокреаторами рода, его родоначальниками здесь и сейчас. Иными словами, *господь* политически обеспечивал важную функцию различения своих и чужаков, а также определения того, кто из чужаков может быть принят в род, а кто — отвергнут и признан врагом.

Первобытное господство после череды превращений дало на исходе Средневековья не только в Восточной, но в Западной Европе сходные политические формы централизованной организации власти на определенных территориях. Названиями этих форм были лат. *dominium*, нем. *Herrschaft*, нид. *heerlijkheid*, фр. *seigneurie* и, наконец, ит. *signoria*. Так что объявлять *государство* или *господарство* уникальной придумкой русских или молдаван безосновательно. Этими разными словами обозначался примерно один структурный тип правления при всем различии стилистики или масштабов властвования: от огромного московского государства до крохотной нидерландской сеньории Турне — она же херлекхейт Доомик.

Чтобы подчеркнуть свой особенный статус, Иван III стал называть себя не просто государем, а великим или самодержавным (независимым) государем. Характерно, что другое русское политическое образование — Новгородскую

республику — часто называли господин Великий Новгород, что в современных терминах можно понять как Великий суверен Новгород. В любом случае, притязания правителей и Москвы, и Новгорода на обладание статусом самодержавного государя означали, что и государь, как в условиях абсолютной княжеской власти, так и республиканской формы правления, и его подданные были объединены в рамках одной державы, одного государства. Подобное единство было залогом свободы перед лицом внешнего порабощения.

Русское слово *самодержавие* часто переводится как «автократия». Его неточно воспринимают как славянскую кальку греческого оригинала. Однако в греческом языке слова «автократия» не было, а словом *автократор* именовался император Западной Римской империи, свой же, восточный — базилевсом. Так что автократия — это калька латинского оригинала. Что касается соответствия славянских корней греческим, то первые компоненты (авто- и само-) можно считать в некоторой степени эквивалентным обозначением «себя», вторые же части отличны друг от друга. В обоих случаях речь идет о власти, но о власти разного рода. Греческое слово *кратос* обозначало принудительную и инструментальную власть, сочетающую идеи военного и физического превосходства и выносливости. Славянское слово *держава* подразумевает объединяющую власть, держащую людей вместе (основа — *дер* от и.е. **dher* — «держат вместе»). Таким образом, в то время как автократия предполагала принуждающую неограниченную силу субъекта над его подданными, самодержавие означало самобъединяющую власть, включающую как правителя, так и управляемых.

В индоевропейском семействе традиций слова, образованные от корня **dher*-, связаны с обозначением коренных принципов мироустройства. Это не только славянская *держава*, но также латинская,

а затем и западноевропейская *форма* (*forma*). Это также индийская *дхарма* (*dh rma*) [Цымбурский, 2010]. У славян под державой понималось, вероятно, то, что скрепляло племя, например, заветы предков. Однако одновременно держава продолжала также символизировать общее наследие и власть династии Рюриковичей, а князь воспринимался как держатель и патриархальной традиции, и новой сакральной власти, дарованной ему свыше как помазаннику.

С этой точки зрения самодержавие не является только автократией в узком европейском смысле простого и прямого доминирования. К этому смыслу добавлено еще и понимание самодержавия как интегрирующей скрепы, как всеобщей мирской инстанции, наделенной властью свыше и обеспечивающей целостность мира. Концептуально самодержавие предполагает, что как власти, так и народ образуют одно политическое целое. На самом деле эта концептуальная схема была настолько сильной, что легла в основу, пожалуй, самого распространенного советского лозунга «Народ и партия — едины». В действительности любая власть в России постоянно была бы одержима этим заветом достижения единства с народом. Доминирующая в Государственной Думе партия имеет характерное название *Единая Россия*.

Суверенный, свободный и равноправный в отношениях с равными себе — это ключевое значение прилагательного *самодержавный*. Вплоть до самого XIX в. прилагательное «суверенный» использовалось в российских дипломатических документах как стандартный термин для обозначения суверенной власти царя [Рошин, 2006; Рошин, 2008]. И даже позже изначальный термин *самодержавный* и транслитерированное слово *суверенный* продолжали использоваться как синонимы до тех пор, пока в советские времена предпочтение не было отдано последнему.

Восстановление и укрепление российской государственности после Смуты

потребовало нового самоопределения. С образованием в середине XVII столетия Вестфальской системы и с подключением к ней в качестве державы внешнего имперского кольца европейский фактор стал играть особенно важную роль в тогдашнем и во всех последующих самоопределениях России. Вызов получил ответ в виде усвоения европейского культурного, политического и особенно военно-административного наследия путем подражания Европе.

По странному совпадению на середину XVII столетия приходится завершение трансформации лимитрофного Великого княжества московского в евразийскую державу Алексея Михайловича Романова, которая ярко и точно определена как Великая самодержавная революция [Пивоваров, Фурсов, 1997]. Суть ее в том, что намечавшееся было формирование сословий, корпораций и слобод было повернуто вспять радикальным упрощением договорных феодальных иерархий в систему простого подчинения в виде службы и тягла. Этой тенденции отвечало и свертывание институтов политического представительства, прежде всего земских соборов.

В результате практически полного подчинения самодержавному авторитету всех остальных сегментов или блоков отечественной политической системы в середине XVII в. создаются условия для того, чтобы уже к концу столетия, в петровские времена сформировать политическую систему, которая с многочисленными модификациями просуществовала вплоть до наших времен. Это призматическая система, образованная четырьмя эволюционно разнородными блоками политической организации, консервировавшими и воспроизводящими логику целедостижения определенного эволюционного типа.

Первый блок — вотчинный, или патримониальный, представляет собой простое сочленение вотчин-патримониумов, воспроизведение «семейной модели» го-

сподства во все более крупных масштабах. Второй блок развился из поверхностно и ускоренно заимствованной у Византии христианской теократии. Он основан на господстве единой и единственной «правды». Третий блок — упрощение и без того не слишком изоширенной ордынской деспотии (варяжское дружинное господство можно рассматривать как протоверсию данного блока). Функционирует этот блок как непосредственная мобилизация всех ресурсов, включая и ресурсы принуждающего насилия, на решение некой «судьбоносной» задачи. Наконец, четвертый блок — это претендующая на модернизованность военно-бюрократическая структура «государевой службы» — упрощенная версия популярной в Германии XVII—XVIII вв. утопии так называемого *полицистского государства* (Polizeistaat), власти которого, руководствующиеся «просвещенностью» и *полицистической наукой* (Polizeiwissenschaft), обо всем пекутся и все устраивают наилучшим образом.

Эти блоки находятся в остром конфликте друг с другом. Различно их происхождение (докиевская племенная Русь, перезревающая византийская теократия, варварская Скандинавия и Орда, только начинающая модернизацию Германия), да и принадлежат они к разным эволюционным временам. В силу этих обстоятельств темпоральные логики блоков существенно различны. Вместе с тем они в большей или меньшей степени отмечены имперскими синдромами. Однако этой отдаленной созвучности недостаточно, вероятно, для того, чтобы данные блоки вполне успешно не только сосуществовали, но мирно и убедительно «притворялись» друг другом, конвертируя свои специфические функции: веру — в службу, семейственность — в волевой натиск, тот — в веру и т.п.

Как это достигается? За счет образования особого устройства — посредника, который проще каждого из блоков и одновременно подобен каждому из них.

Этот посредник упрощает смысл той или иной функции для ее восприятия и воспроизведения уже в логике других блоков.

Что же представляет собой посредник? Это соединение трех сфер: ядра, посредующей и внешней оболочки. Центром всех этих сфер является символическая фигура автократора (царя, императора, генсека, «всенародно избранного президента»). Внешней оболочкой во всех случаях является «народ». Ядро же и посредующая оболочка могут раскрываться как в военно-бюрократическую иерархию, так и в патримониальное «старшинство», как в ступени (и степени) православной, коммунистической, или «демократической» ортодоксии, так и в близость — удаленность от деспота.

Петровская «модернизация» не была и не могла быть действительной модернизацией — даже вторичной. Причина в том, что даже у самых выдающихся умов Европы того времени еще не было понимания того, что европейцы живут в особую эпоху и решают небывалые эволюционные задачи. Тем более не было подобного понимания и у европейских политиков, военных, купцов и мореходов, с которыми имели дело россияне. Петр и его «птенцы», однако, уже ощущали, вероятно, качественные отличия Европы и, без сомнения, видели, что в двойной цивилизационной системе России отводится роль альтернативного противовеса, своего рода периферийной анти-Европы. В этой ситуации вполне естественным было желание присвоить достижения Европы и перестать быть ее периферией.

Решение было вполне традиционным, в духе Владимира Святого и Ивана Грозного: принятие европейства путем его завоевания, разделение страны на новую и старую с последующим внутренним завоеванием и т.п. В этом же ряду вполне традиционный для исторических империй прием — создание новой столицы. И все это сопровождается

очередным моментом самоопределения России: к достоинству царства добавляется не меньшее достоинство империи.

Самоопределение русского освобождения

Само название «Отечественная война» (война сынов Отечества за свою Родину) подчеркивает сознательное стремление русских людей отразить наполеоновскую агрессию и осуществить еще один переход к освобождению и самообъединению сынов одной родины, которые по отдельности готовы были выполнить свой общий долг, сражаясь с иностранными захватчиками. Победоносному Александру I, нареченному своей бабушкой Екатериной II в честь Александра Македонского, предстояло построить постнаполеоновский порядок в Европе на чрезвычайно гуманных христианских принципах. Он стремился стать конституционным монархом, чего дома в Санкт-Петербурге не мог себе позволить. Ему пришлось оставить проекты конституционных преобразований как раз накануне Отечественной войны. Но в Вене он выторговал себе королевство и стал конституционным монархом Польши. Ирония в том, что его самые благие порывы только стимулировали автократическое презрение к либерализации где бы то ни было: в Европе, Польше и в самой России. Стремление России к освобождению выродилось в усиление автократической власти.

Однако не все было так просто и однозначно. Внутреннее политическое развитие вкупе с попытками вестернизации и интеграции России в европейский политический порядок привело к серьезным изменениям. Возможно, решающим изменением было появление такого понятия, которое бы обозначало людей не только как народ, но и как потенциального актора, способного встать на защиту самой России. Обычно народ был молчалив, как, например, в символической сцене выборов царя в пьесе Пушкина «Борис Годунов», но был способен

действовать спонтанно и решительно в такие революционно важные моменты, как Отечественная война.

Провозглашение направляющей идеологической формулы было важным отражением произошедших перемен и нового сочетания основ российской политики. Православие, Самодержавие, Народность (национальность, способность людей мыслить как единый русский народ). Не секрет, что эта формула, придуманная министром образования России Сергеем Уваровым в 1833 г., была созвучна с формулой Французской революции: Свобода, Равенство, Братство и потому была «русской версией основной европейской идеологии реставрации и реакции» [Riasanovsky, 2005: 133]. Однако в равной мере верно, что эта формула переопределила властную структуру внутри Русской Системы. Православие подтвердило старый принцип сакральной державы, в которой власть государю дается свыше. Самодержавие предполагало прагматическое функционирование державы автократа и его полицейской государственной администрации, а также суверенитет и целостность России. Народность указывала на то, что в действительности русский народ был ядром, на которое была направлена концептуализация и осуществление политики. В действительности, именно третья компонента подтвердила фактическое преобладание власти в руках народа. Концептуально это означало, что русский народ стал еще одним источником власти наряду с государем и автократом. Был открыто признан современный принцип организации политики снизу-вверх. Сейчас кажется очевидным, что это признание было главнейшим условием для приближающейся модернизации и демократизации, будущее которой, тем не менее, было туманным.

Самоопределение России-СССР

В результате очередной освободительной революции в нашей стране вновь

воссоздалась самодержавная власть. Вновь великий акт всеобщего освобождения обернулся открытой диктатурой. Советская власть была крайне противоречивой. С одной стороны, она опиралась на массовое участие, что придавало ей демократические черты особенно в сочетании с институциональной формой прямой демократии советов. С другой стороны, управлять формирующейся системой смогла только в высшей степени интегрированная и дисциплинированная авангардная партия нового типа.

Демократический централизм был ответом на практический вопрос, касавшийся управления страной. Первоначально он представлял собой набор внутренних организационных принципов нарождающейся в России социал-демократической партии, предложенных большевиками и непосредственно Лениным.

Когда Советская Россия достаточно окрепла, принципы демократического централизма легли в основу внутренней структуры советской системы правления. Однако как конституционный принцип, на основе которого организовано государство, демократический централизм был официально закреплен только в ст. 3 Конституции СССР 1977 г.: «Организация и деятельность Советского государства строятся в соответствии с принципом демократического централизма: выборностью всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетностью их народу, обязательностью решений вышестоящих органов для нижестоящих. Демократический централизм сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело».

Считается, что благодаря закрепленным в советской Конституции 1936 г. демократическим принципам этот документ стал одним из самых передовых правовых документов того времени.

Конституция 1936 г. сняла ограничения на возможность голосовать и закрепила прямое всеобщее избирательное право и право на труд. Конституция также предусматривала прямые выборы всех органов власти и их реорганизацию в единую и единообразную систему. Советский период политического развития весьма последователен в своей концептуальной целостности. Тем не менее существует большая разница между довоенным и послевоенным состояниями (стадиями) одного и того же советского проекта как в структурном (конституционном), так и в институциональном (режимном) измерениях. В то время как первое состояние заключалось в вырождении прямой демократии Советов в открытый тоталитаризм, второе обозначило демонтаж тоталитаризма и движение к гораздо более универсальным и гетерогенным формам автократического правления.

Уже в условиях военного коммунизма начинает воспроизводиться конфигурация прежней политической системы четырех блоков и медиатора. Полицистский блок замещается системой «демократического централизма». Вотчинный воспроизводится в виде безусловного и персонального господства полностью контролирующих свои «уделы» комиссаров и личной ответственности пред вождями различных масштабов всех, попавших в сферу их контроля. Православный блок замещается в потенции коммунистической идеократией, представленной пока весьма размытым революционным этосом. Наконец, дружинно-деспотический блок представлен режимом чрезвычайщины и господством «революционной законности».

Возникает и некое подобие медиатора, которое легко можно разглядеть в ленинской формуле «вожди — партия — класс — массы», обнародованной в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920). Фактически данная схема предполагает «материализацию» меди-

тора в виде партии. «Мы должны знать и помнить, — писал вождь Советской России, — что вся юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу» [Ленин, т. 31, с. 342].

Воспроизведение самодержавной по сути конфигурации власти, замаскированной квазимарксистским идеологическим антуражем, было спровоцировано модернизационными вызовами, однако получало архаические ответы. Результатом стало превращение новой российской версии абсолютного, тотального самодержавия «вождя пролетариата и всего прогрессивного человечества» в один из вариантов тоталитарной диктатуры, эволюционно связанной с дисфункциональными срывами форсированных модернизаций в XX столетии.

«Реальный социализм» как разновидность политической организации является коммунистическим самодержавием. Оно пронизано глубоким противоречием, связанное с проблематикой модернизации. Его исходной целью является утверждение любой ценой максимальной политической, социальной, экономической, идеологической, культурной и прочей однородности ради форсирования модернизации. Однако рациональный смысл модернизации как раз и заключается в осуществлении постоянной инновации, а значит, порождения все большего разнообразия, гетерогенности политической организации.

В условиях *экзогенной* модернизации утверждение мощных начал гомогенности служит своего рода противовесом для сдерживания, уравнивания инновационных тенденций повышения гетерогенности, не дает им выйти из-под контроля и разнести систему в клочья. Кроме того, создается необходимая среда для испытания новаций. Иное дело тоталитаризм с его форсированной и деформированной модернизацией. Экстремизм установок как на гомогенизацию,

так и на модернизацию создает чудовищное противоречие: бескомпромиссная гомогенизация делает всякую инновацию невозможной, последовательная инновация несовместима со всеобщей усредненностью, стандартизацией и т.п.

Создание заповедников инновации (неординарности) эффективно, когда туда загоняется небольшое творческое меньшинство, которому вполне по силам решение тех или иных задач модернизации. Однако почти сразу, а чем дальше, тем больше возникает проблема трансляции, переноса достижений из заповедников в массы. Порожденные же модернизацией массы не готовы к восприятию инноваций, элиты из заповедников не могут и не хотят снижать качественную планку инноваций. Приходится мобилизовать идеологию, административный и даже репрессивный аппарат, чтобы заставлять массы «усваивать» новшества — результатом становится массовое производство и воспроизводство симулякров модерности.

Одновременно приходится внедрять в заповедники очажки усредненности, чтобы редуцировать образцы инноваций до приемлемого массам уровня. Вновь производятся симулякры модерности. Система тратит все больше сил, получая относительно все меньший и, главное, качественно сомнительный реальный выход. Это, собственно, и порождает действительный застой.

Можно даже утверждать, что сталинский режим в результате кризиса 1941 г. трансформировался в новый на фоне решимости русского народа отразить фашистскую агрессию любой ценой в Москве, Сталинграде, а затем и под Курском. Пример Отечественной войны 1812 г. был воспроизведен во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Общее название — *отечественная война* — отражает их существенное сходство. Результаты этих войн также были сопоставимы. Участие во всеобщей антифашистской освободительной борьбе и

твердая решимость советских патриотов бороться против иностранных захватчиков привели к господству сверхдержав на мировой арене и новому виду самодержавного режима внутри страны.

При всей инерции личной власти Сталина и ее стилистики отличие второго (послевоенного и посттоталитарного) советского режима от предыдущего намечается уже в годы войны (признание роли православной церкви, замена народных комиссариатов министерствами, административные и военные реформы) и ко времени проведения XIX съезда КПСС. Особенно ярко эти перемены проявились во время «хрущевской оттепели» и XX съезда КПСС.

Годы и десятилетия после смерти Сталина можно рассматривать как постепенный процесс десталинизации или как ряд структурных и существенных изменений, влияние которых оказалось чрезвычайно большим, несмотря на заявления радикально настроенных критиков 80-х гг. о том, что система не реформируема. Тем не менее советская система развивалась. Во время правления Хрущева была выдвинута идея «всенародного государства». Заявлялось о восстановлении ленинских норм демократического централизма в партии и государстве. Партия стремилась сохранить единство народа и власти. Распространенным лозунгом в то время был «Народ и партия едины».

Институциональная система правления или действующая конституция оказались вполне способными к адаптации и трансформации. И действительно, система расширилась, за счет существенного увеличения груза ее функциональных обязанностей и задач как внутри страны, так и за ее пределами. Система усложнялась и диверсифицировалась, несмотря на ее традиционную предрасположенность к единству и доктринальные требования коммунистической однородности порядка. Типичным структурным решением было появление зон исключе-

ния из такого порядка. Постепенно «дырок в сыре» становилось все больше. Под конец дырок, а с ними и потенциальных пространств освобождения, даже стало больше, чем сыра, хотя режим этого как будто не замечал.

Результатом этого процесса стало постепенное ослабление и институциональной системы, и режима. Это ослабление в некотором смысле может напоминать либерализацию режима, но имеет, однако, совершенно другой характер. Его более существенной характеристикой был реактивный тип проведения политического курса и принятия решений. Брежневский политический курс, обладающий реактивной природой, рассматривался как стагнация. Он был неподходящим для систематических и решительных реформ, но давал «зеленый свет» другому типу изменений, возникающих спонтанно и являющихся неотъемлемой чертой режима. Еще более важен тот факт, что реактивная природа позднесоветского политического поведения дала больше шансов для индивидуальной импровизации и тем самым участия. Именно в таких условиях и началась перестройка.

Вопреки распространенному предубеждению, будто «система неререформируема», за годы советской власти удалось не только добиться определенных политических, военных и экономических успехов, в течение нескольких их десятилетий выступая в роли сверхдержавы, но и существенно реформировать политический строй в череде переходов — сначала в сталинский тоталитаризм, затем в его более сложную послевоенную версию, после этого в его хрущевскую квазитоталитарную версию — «десталинизованную» и мультиплицированную, наконец, в неоквазитоталитаризм так называемого «застоя» и в лихорадку посттоталитарного ремонта начиная с андроповских времен.

Все эти превращения самодержавного, по сути, правления сопровождалось

как созданием разного рода симулякров, так и имитацией модернизационных процедур. В целом можно признать, например, что СССР фактически консолидировал свой суверенитет, создав достаточно однородный политический режим внутри четко очерченных территориальных границ и обеспечив его внутреннее и внешнее признание. Хуже обстояло дело с формированием гражданского общества. Официально насаждавшиеся структуры были малоэффективны и малоубедительны. Хотя они и позволяли немалому числу людей проявлять инициативу — достаточно вспомнить студенческие строительные отряды, коммунаское движение, молодежные жилищные кооперативы (МЖК) и т.п., — собственно контрактные отношения оставались неразвитыми. Что касается такого важного аспекта политической модернизации, как формирование гражданской нации (nation-building), то отчасти удалось эти процессы проимитировать, получив в качестве результата «новую историческую общность» — советский народ. В то же время все советские конституции оставались симулякрами, что позволяет говорить о системе «номинального конституционализма» [Медушевский, с. 482–563].

Остальные аспекты политической модернизации от разделения властей до внедрения федеративного устройства оставались в лучшем случае плохо приспособленными к отечественным условиям симулякрами. Однако этих симулякров и разного рода анклавов оказалось так много, что в головке сыра оказалось больше дыр, чем самого сыра. Это позволяет говорить о наличии множества элементов посткоммунистического развития.

Современные дилеммы самоопределения России

Посткоммунистическое развитие началось отнюдь не с запретом КПСС, а значительно раньше. Можно начинать отчет с XX съезда КПСС или с иных дат, однако посткоммунизм «самоопределил-

ся», как это ни покажется парадоксальным, включением в брежневскую Конституцию знаменитой 6-й статьи. Пока руководящая роль КПСС как ядра политической системы не подвергалась сомнению, а самодержавный характер власти была бесспорен, в такой статье не было надобности. Все и так знали действительную самодержавную «Конституцию» (при всей условности использования термина) и действовали по ее правилам, а не по букве Конституции писаной — декоративного фасада отечественной политической системы.

Включение в брежневскую Конституцию 6-й статьи как раз подтвердило, что КПСС начинает утрачивать роль универсального медиатора, все в большей мере становится выражением цивилизационной вертикали (коммунизм как идея-правительница, выражаясь языком евразийцев). Поэтому как раз и понадобилось формальное закрепление ее «всеохватной» роли в политической системе, равнозначной роли вселенской церкви (*universal church*, по Тойнби). Это предполагало начало фактического внедрения системы, аналогичной византийской симфонии, или западноевропейской модели двух мечей, или токугавского «двоевластия» сёгун/тенно и т.п. Горизонтальная же медиация переместилась в тень. Официальный центр становился все более декоративным. Он в основном санкционировал или обозначал санкционирование фактической медиации (и перераспределения ресурсов), осуществлявшейся «под ковром». Ее опорой стали клики и их формализованные (ВПК, отраслевые отделы ЦК, межведомственные комиссии и комитеты и т.п.) и неформализованные («бани», «охоты» и т.п.) структуры состязания, сговора и реализации соглашений.

Таким образом, в целом накануне перестройки многоблочное и хронополитически разнородное политическое образование (идеократия-деспотия-патриархия-полициеизм), скрепленное

медиатором в виде КПСС, вступило в полосу развития, характеризуемую *конфликтом детоталитаризации и ретотализации* в системном плане, некомпенсируемой или *слабокомпенсируемой децентрализацией* государственности и *либерализацией* стиля властвования («режима») геронтократического «Центра».

К началу 80-х гг. в советском обществе сформировался запрос на реформы. Здесь не место обсуждать, каковы были альтернативы, как они могли быть использованы. Признание Ю.В. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем, могло указывать, что подготовка к серьезному реформированию была возможна и даже началась. Фактические сдвиги наметились после того, как в марте 1985 г. генеральным секретарем КПСС стал Михаил Горбачев. Вновь, как и во времена Великих реформ, в публичный дискурс были внесены понятия перестройки и гласности. Соответствующие идеи были сформулированы и обнародованы на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г. Предполагалось, что основным инструментом реализации этих двух новых концептов будет закон о трудовых коллективах, который разрешал и даже обязывал избирать руководителей государственных предприятий. Это несколько наивно мыслилось как первый шаг к демократизации страны. Такое решение отвечало ленинской логике демократии Советов и популярным на Западе в то время идеям демократии участия, демократии на рабочем месте и т.п. При этом упускались из виду резонные возражения классиков демократической теории, что демократия имеет пределы применения и не работает в рамках предприятий.

Распространенные в то время лозунги «Больше демократии — больше социализма», «назад к Ленину» подразумевали встраивание демократической реформы в советскую традицию. Во время съезда Горбачев лично, так же как и остальные, говорил о свободном выявлении интересов и воли всех классов и социальных

групп, а также о саморегулировании и самоуправлении общества. Хотя планы по реализации данных положений были далеко идущими, они не содержали никакой конкретики относительно институционального дизайна: туманное понятие демократизации могло быть применено ко всему. Когда все же было разработано законодательное оформление демократизации, она была представлена как возвращение к исходным подлинным советским институтам. Хотя перестройка ознаменовала радикальные перемены в политическом облике страны, конституционные положения, принятые Верховным Советом в ноябре 1988 г., не ликвидировали традиционные структуры. Предполагалось, что граждане должны были прямым голосованием избирать народных депутатов, из которых бы состоял Совет народных депутатов и который в свою очередь избирал бы двухпалатный Верховный Совет. Одна треть депутатов избиралась не по территориальному признаку, а от общественных организаций, включая КПСС, комсомол и профсоюзы. После беспокойной кампании в марте 1989 г. прошли первые соревновательные выборы, в которых потерпели поражение более трех десятков высших партийных чиновников. Вероятно, эти выборы были наиболее успешными с точки зрения соревновательности и честности, благодаря искренним ожиданиям как властей, так и населения. Впоследствии растущее разочарование и авторитарный поворот как во властных кругах, так и среди населения снизили уровень соревновательности и честности. Тем не менее ценность демократических выборов в России до сих пор высока.

В общем и целом перестройка провозгласила беспрецедентное и революционное по глубине и масштабу освобождение. Однако это движение представляло собой все что угодно, только не революцию. Типичный анекдот того времени звучал так: Что мы пере-

страиваем? Застой. Это звучало очень правдиво, поскольку предшествующий тренд, а именно реактивная политика и ослабление режима, продолжались как ни в чем не бывало. Сам Горбачев был горд тем, что «процесс пошел». Перемены по-прежнему происходили спонтанно и оставались неотъемлемой чертой режима.

Перестройка в целом продолжила и интенсифицировала уже сложившиеся тенденции развития и в этом отношении напоминала эпоху «великих реформ». Различие состояло в том, что реформы Александра Освободителя были тщательно продуманными, постепенными, а главное, аккуратно дозируемыми и контролируемыми из самого средоточия самодержавной власти, тогда как перестройка акцентировала стихийность (упование на то, что «процесс пошел») и инициативу снизу. Это спровоцировало кризис, в ходе которого прежние коммунистические структуры с медиатором как «ядром» всей системы коммунистического самодержавия рухнули, а на их месте спонтанно стали воспроизводиться аналогичные им образования.

Полицейский блок «государевой службы», срастающийся с репрессивно-деспотической чрезвычайкой при помощи симулякра «исполнительной власти» (обманчивая подгонка под западный категориальный стандарт), берет на себя явно невыполнимые обязательства, претендует на полномочия, которые не только не в состоянии эффективно осуществлять, но даже с толком использовать. Отсюда постоянное провоцирование кризисов и обращение к принудительному насилию от указов «по борьбе с организованной преступностью» до расстрела Белого дома в Москве и чеченской войны.

Вотчинный блок через так называемые «региональные элиты» и «неокопоративные структуры» (такая же подгонка под «западный» стандарт типично автотонных, далеких от иноземных образцов

явлений) пытается определить, и не без успеха, динамику политического процесса. По инерции воспроизводится тенденция передела ресурсов и соперничества патримоний и их вождей (региональных и корпоративных центров власти, включая как официальные, так и теневые, нередко криминальные).

Идеократический блок пострадал более других. Вакуум, образованный уничтожением коммунистической идеократии, явно неудачно попытались заполнить идеократией «демократической», подкрепленной «цивилизационной» риторикой, за которой легко угадывались привычные схемы «научного коммунизма», рисующие автоматическое (неизбежное и материально детерминированное) достижение всеобщей благодати, но только в результате не классовой борьбы, а приватизации. Это прогрессирующее интеллектуальное упрощение школьного истмата до более чем примитивных схемок немедленного счастья в результате введения «рынка» было обречено на быстрый и бесславный крах. Что же касается религии, то шансы на восстановление православной идеократии выглядят призрачными. Попытки создать новую обязательную для всех национальную идею, откуда бы они ни исходили — из Кремля, от неодержавников, от КПРФ, от ЛДПР или от крайних «патриотов» — также бесперспективны.

Главная же проблема, однако, заключается в трудности, а скорее всего в невозможности, воспроизведения медиатора, чья простота в «нематериализованном» виде воспринимается (и справедливо) как полностью неадекватная современным условиям крайне услож-

нившихся взаимодействий. Материализация же медиатора безусловно проблематична. Во всяком случае явно нереальна и превышает субъективные и объективные возможности нового «Центра» заявленная в ельцинской Конституции претензия заполнить освободившееся после краха старого «Центра» (КПСС) пространство за счет того, что президент с его пресловутой вертикалью соединят остатки всех блоков, прежде всего полицейский («исполнительная власть») и деспотический (непосредственное руководство силовыми структурами), а также выступают в роли самодержца. Возникающие при этом структуры Администрации Президента удивительно напоминают аппарат ЦК, а пресловутая «семья» — его политбюро.

Таким образом, Россия вновь политически самоопределилась как ориентированное на модернизацию самодержавие, замаскированное на этот раз уже квазидемократическим риторическим антуражем. В третий раз на протяжении нашего столетия воспроизводится сходная конфигурация власти. Однако за всеми этими превращениями происходят крайне важные процессы накопления институционального разнообразия, а также усложнение политической самосознания и самоидентификации России. И пусть сегодня многим ее гражданам будущее и даже настоящее своей страны видится довольно туманным, проделанная и продолжающаяся созидательная работа по своему политическому самоутверждению очень полезна и способна принести свои плоды. Нам нужно только дать им созреть и научиться их собирать.

Список литературы

1. Ильин М.В. Jedem das seine. Кентавр перед сфинксом (германо-российские диалоги) / М.В. Ильин. М. : Издательство «Апрель-85», 1995. [Ильин М.В. Jedem das seine. Krntavr pered sfinksom (germane-rossiyskiye dialogi). M. Izadatelstvo «Aprel'-85», 1995.]
2. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. М. : РОССПЭН, 1997. [Ильин М.В. Slova I smisli. Opit opisaniya kluchevykh politicheskikh poniatii. M. : ROSSPEN, 1997.]
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. [Lenin V.I. Polnoie sobrabiie sochinenii.]

4. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский. М. : РОССПЭН, 1998. [Medushevskiy A.N. Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutionalizm v sravnitelnoi perspektive. M. : ROSSPEN, 1998.]
5. Рошин Е. История понятия «суверенитет» в России / Копосов Н., Кром М., Потапова Н. (ред.) Исторические понятия и политические идеи в России. СПб. : ЕУСПб, Алетейя, 2006. [Rotschin E. Istoriya poniatiya suvereniten v Rossii. / Kopusov N., Krom M., Potapova N. (eds.) Istoricheskiye poniatiya i politicheskiye ideyi v Rossii. SPb.: EUSPb, Aleteya, 2006.]
6. Рошин Е. Суверенитет: особенности формирования понятия в России. / Ильин М., Кудряшова И. Суверенитет. Трансформация понятий и практик. М. : МГИМО, 2008. [Rotschin E. Suverenitet: osobennosti formirovaniya poniatiya v Rossii. / Iluin M., Kudyashova I. Suverenitet. Transformatsiya poniatiy i praktik. M. : MGIMO, 2008.]
7. Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов / Р. Саква // Полис. 1998. № 5. [Sakwa R. Konets epokhi revolutsiy:antirevolutsionniye revolutsiyi 1989–1991 godov // Polis. 1998. № 5.]
8. Цымбурский В.Л. Scripta minora / В.Л. Цымбурский. М. : Европа, 2010. [Tsimburskiy V.L. Scripta minora. M. : Evropa, 2010].
9. Riasanovsky Nicholas V. Russian Identities: A Historical Survey. New York : Oxford University Press. 2005.